

Чжу Юаньчжан хрипло спросил:

— Каков ты в сравнении с Тоба Фэном?

Юньци сначала растерялся, а затем постепенно понял суть вопроса. Не решаясь отвечать поспешно, он напряг все силы, стремительно обдумывая скрытое намерение Чжу Юаньчжана.

Наконец, Юньци ответил:

— В умении командовать, военной стратегии, доблести и мастерстве боя — во всем этом Юньци уступает Фэну.

Чжу Юаньчжан прищурился, острым взглядом скользнув за пределы зала, а затем усмехнулся:

— В военной стратегии тоже уступаешь? Вряд ли.

На иссохшем старческом лице Чжу Юаньчжана мелькнула насмешливая улыбка:

— Если говорить о военной стратегии, ты ведь сын Сюй Да...

Юньци вовремя прервал его:

— Не все дети военачальников рождаются тигрятами*, тем более...

* Юньци делает отсылку на идиому «от тигра не родится щенок» (虎不食子).

В тот миг Юньци молниеносно анализировал ситуацию, пытаясь тонко уловить мысль, промелькнувшую в голове Чжу Юаньчжана. Хотел ли император через эту тему намекнуть на ошибки советников? Или завести речь о престолонаследии? А может, и то и другое?

Юньци понимающе улыбнулся и ловко сменил направление беседы:

— Но в искусстве спора Фэн мне уступает.

Чжу Юаньчжан рассмеялся:

— Какая польза в умении спорить? Оно лишь даёт временное преимущество в пустых словесных поединках, ничего не меняет и не помогает.

Юньци улыбнулся:

— Помимо умения спорить, которое проявляется извне, хотя это малый талант, не достойный гордости, Юньци полагается на способность расследовать дела.

Чжу Юаньчжан одобрительно медленно кивнул. Юньци продолжил:

— Фэн не силён в обнаружении нитей паутины и следов копыт лошади*, а ваш слуга — да.

* Нить паутины (которая ведёт к жилью паука) и следы копыт лошади (□□□□) — обр. ключ к разгадке, след, путеводная нить, зацепка.

Чжу Юаньчжан произнёс:

— Споры проявляются извне, мудрость же скрывается внутри. Если бы дворцовые советники постигли эту истину, то не цеплялись бы за мелочи. Принести батоги.

Юньци бросил взгляд на Жун Цина, стоявшего с другой стороны зала, и последний поклонился Чжу Юаньчжану.

Они развернулись спиной друг к другу, сделали шесть полностью синхронных шагов, дошли точно до стены, поклонились и одновременно сняли с деревянных стоек батоги. Затем они повернулись и направились к центру зала.

Ещё четверо стражей Цзиньивэй ловко выступили вперёд. Двое схватили советника за руки, двое — за ноги, крепко прижав левого советника к земле.

— Ваше Величество! — советник не сопротивлялся, поднял голову и истерично завопил: — Хотя наша Великая Мин зародилась в полях, но ритуалы и законы предков отменять нельзя! Титул Хэтяньциндэ* не является ни добродетельным, ни мудрым!

* Хэтяньциндэ (□□□□) — «Почитающий Небо и добродетель». Реальным посмертным титулом Чжу Бяо в итоге стал Ивэньтайцзы (□□□□), «Наследный принц, чтящий учёные труды».

— Император изучил все литературные труды, но пренебрег учениями Конфуция и Мэн-цзы!

Советник, широко раскрыв глаза, выглядел ужасающе и, тяжело дыша, закричал:

— Как вы посмеете предстать перед всеми учеными Поднебесной?! Император, спустя тысячу лет и множество поколений, боюсь, наследный принц будет проклинаяем всей страной! Император, умоляю, трижды обдумайте!

Услышав такие слова, даже Юньци невольно содрогнулся. Он изрядно вспотел в страхе за советника, совершенно не понимая, в чём разница между этими четырьмя иероглифами... Но одно он осознавал ясно: эти четыре иероглифа неизбежно обернутся сорока ударами батогами.

И точно, Чжу Юаньчжан произнёс:

— Чжуан Лу, сорок ударов.

Чжуан Лу... Верно, это именно тот, кого Тоба Фэн велел бить помягче. Юньци выставил одну ногу перед другой, и Жун Цин боковым зрением заметил его сигнал. Они начали по очереди яростно бить батогами по спине, и Чжуан Лу тут же вскрикнул от боли!

Стоны Чжуан Лу эхом разносились по залу, но Чжу Юаньчжан делал вид, что этого не слышит, продолжая просматривать доклады.

После сорока ударов батогами Чжуан Лу лежал на полу полуживой. Его глаза поблели, и он что-то невнятно бормотал, повторяя одни и те же слова.

Между ног советника, на его бёдрах и спине во все стороны разлеталась алая пена. Под ним растекалась лужа крови. Двое стражей Цзиньвэй подошли и потащили его прочь, а ещё двое взяли по куску чёрной ткани, встали по разные стороны и, резко проведя сверху вниз вдоль батогов, очистили их. Красный лакированный металл засверкал свежим блеском.

Чжу Юаньчжан сложил поданный доклад и холодно произнёс:

— Фан Сяожу.

Другой молодой чиновник, сохраняя полное спокойствие, откликнулся:

— Ваш слуга здесь.

Чжу Юаньчжан спросил:

— Ты признаёшь свою вину?

Фан Сяожу ответил:

— С древности сын наследует дело отца. Ваш слуга не знает, в чём его вина.

Чжу Юаньчжан сказал:

— Твоя вина в том, что ты вмешался в дела моей семьи. Этот доклад — твой?!

Фан Сяожу твёрдо ответил:

— Именно ваш слуга собственноручно написал его!

Чжу Юаньчжан в гневе воскликнул:

— Ни цензоры Главного управления по контролю, ни инспекторы шести министерств не смеют вмешиваться в дела моей семьи. В этом и есть твоя вина. Сорок ударов!

Гневный крик дряхлого Сына Неба спровоцировал приступ сильного кашля, и придворный евнух поспешил похлопать его по спине. Юньци, прийдя в себя, занял позицию и приступил к наказанию.

Обрушился удар батога, но ожидаемого крика боли не последовало. Фан Сяожу стиснул зубы и стойко выдерживал наказание. Юньци внутренне усмехнулся над этим глупцом... Когда человека бьют батогами, если его тело напряжено, то внутренние травмы будут тяжелее; лишь расслабив мышцы, можно отделаться поверхностными ранами, которые заживут за несколько дней.

После этой порки, вероятно, у Фан Сяожу будут искалечены обе ноги. Юньци тайно сожалел об этом, однако имя показалось ему знакомым. На пятом ударе он наконец вспомнил, кто этот человек, резко изменился в лице, поспешно сменил стойку и начал подавать Жун Цину знаки глазами.

Жун Цин не поднимал головы, сосредоточенно следя за спиной Фан Сяожу, и усердно продолжал его бить.

Юньци не знал, смеяться или плакать. Ослабив силу ударов, он словно бил тяжёлым молотом в барабан. Раздавался громкий звук, но прилагаемая сила была минимальной. Несмотря на оглушительные шлепки, травмы были поверхностными, однако тело Фан Сяожу всё равно покрылось кровью. Он беспомощно свалился на бок, потеряв сознание, и был немедленно выволочен стражниками из зала.

Юньци тяжело вздохнул. Учёные и правда не выдерживают побоев.

Чжу Юаньчжан не проронил ни слова до самого вечера. Юньци оставался на посту, пока не пробили барабаны, а затем вместе с Жун Цином вернулся во двор.

Высоко подняв одну ногу и поставив её на скамью, он принял от Жун Циана миску с едой и начал есть, приговаривая:

— Как у тебя со зрением-то так плохо...

Жун Цин не знал, смеяться или плакать:

— Раньше я увидел твою стойку и подумал, что этого учёного можно бить. Откуда мне было знать?

Юньци сказал:

— Ладно, раз уж побили, ничего не поделаешь. Знаешь, кто это? «Дела Поднебесной часто начинаются с малого, но в итоге приводят к великим бедствиям» — это его слова. Фан Сяожу — ученик Сун Ляня, сдавший экзамены, он пишет прекрасные сочинения.

Жун Цин, в полном недоумении, положил еду в его чашу:

— Не слышал о таком. Пишет всякую ерунду, не зря его отлупили.

Юньци рассмеялся и продолжил, будто разговаривая с самим собой:

— Ты бил сильно, а я — слабо. Интересно, как он теперь после того, как его выволокли.

Жун Цин внезапно осознал, что из-за неравной силы ударов великий талант, возможно, теперь будет прихрамывать на одну ногу, подпрыгивая. Он тут же выплюнул еду и громко рассмеялся:

— Я бил так сильно, наверняка он останется хромым!

Юньци подшутил:

— Но одна нога ведь цела? Талантливый ученый может лягаться ей как копытом! — затем они переглянулись и расхохотались.

Пожинав, они уже собирались разойтись по комнатам, но Юньци не обнаружил Тоба Фэна. Вернувшись в свою комнату, он заметил, что окровавленная форма стража исчезла. Предположив, что её взял Тоба Фэн, он не стал об этом беспокоиться.

Ближе к тому времени, когда зажигаются фонари, он внезапно услышал, как со двора донёсся тонкий голос придворного евнуха:

— Его Величество повелевает явиться заместителю командующего Цзиньвэй Сюй Юньци—!

Юньци нахмурился, не понимая, что произошло. Ведь о пересменке должны были сообщить стражники. Почему прислали евнуха?

Юньци вышел вслед за ним и сунул маленький слиток серебра в руку евнуха:

— Братец, зачем император вызвал меня?

Евнух ехидно оглядел Юньци, взял его за руку и сказал:

— Кое-кто трепал языком за вашей спиной. Заместителю командующего стоит отвечать крайне осмотрительно.

Юньци внезапно охватил страх. Неужели раскрылось убийство чиновника из Военного министерства? Взятничество — тяжкое преступление! На мгновение он онемел от ужаса. В уме промелькнули десятки способов избежать наказания, но затем он понял, что что-то здесь не так. Тоба Фэн точно не выдаст его. Это немного успокоило его, и с тревогой в сердце он вошёл в зал. Там он увидел Хуан Цзычэна, стоявшего со сложенными в рукава руками, и Чжу Юньвэня с покрасневшими глазами, находившегося подле императорского стола.

Тоба Фэн стоял вытянувшись, словно столб, в форме стража Юньци. Его рукава всё ещё были влажными, и так как он был довольно выше ростом, одежда не подходила ему по размеру, обнажая запястья.

Тоба Фэн очень медленно покачал головой в сторону Юньци.

Юньци избежал его взгляда, облегчённо вздохнул, поклонился и, улыбаясь, поднял глаза на Чжу Юньвэня.

Чжу Юаньчжан сказал:

— Сюй Юньци, раз ты умеешь расследовать дела, приказываю тебе помочь Великому воспитателю Хуану выяснить, кто принёс эту постороннюю книгу во дворец и передал ее Юньвэню. Незаконно проносить вещи во дворец — тяжкое преступление.

На книге лежали два осколка кристальных пластин.

Юньци с улыбкой спросил:

— Внук императора, разрешите вашему слуге задать вопрос. Кто же осмелился тайно пронести эту книгу и передать вам?

Чжу Юньвэнь сдержал негодование и не ответил, через мгновение опустив голову.

Юньци сказал:

— Позвольте вашему слуге ознакомиться с этой книгой.

Чжу Юаньчжан кивнул. Евнух, держа книгу и кристальные пластины, передал их в руки Юньци. Тот слегка задумался, приняв лишь книгу.

Чжу Юаньчжан произнёс:

— Возьми её и в течение трёх дней обязательно раскрой правду.

Юньци пролистал новехонькие страницы и улыбнулся:

— Ваш слуга уже раскрыл дело.

Чжу Юаньчжан поднял взгляд от доклада, пронзив зал холодным взглядом.

Юньци шумно встряхнул книгу и с улыбкой спросил:

— Этот слуга осмелится спросить Великого воспитателя Хуана, где была найдена эта книга?

Хуан Цзычэн холодно ответил:

— В кабинете внука императора.

Юньци сказал:

— Тогда всё ясно. Внук императора получил эту книгу именно сегодня.

В зале воцарилась тишина. Юньци размеренно продолжил:

— Кабинет — место, где ее легче всего найти. Там Великий воспитатель Хуан непрерывно, с утра до ночи учит внука императора урокам. Зачем было приносить её туда?

— Если кто-то хочет прочитать запрещённую книгу, то прячет ее в покоях, вероятно, под подушками. Следовательно, можно предположить, что книгу получили недавно, не прочитали ни страницы и сразу приступили к занятиям. Потому пришлось спрятать ее в спешке, невольно

оставив улики.

Юньци продолжил:

— Достаточно вызвать тех, кто входил в кабинет перед началом сегодняшних занятий, и допросить. Тогда всё и прояснится.

Хуан Цзычэн спросил:

— Откуда тебе известно, что ни страницы не прочитано?

Юньци, взяв уголок первой страницы, встряхнул книгу при свете лампы:

— Страницы новой книги приклеены друг к другу. Чтобы перелистнуть их, необходимо смочить палец слюной и разъединить их.

— Однако на первых страницах этой книги нет следов пальцев. Значит, её только что получили, и не успели даже открыть, как уже прибыл Великий воспитатель.

Юньци закрыл книгу, взглянул на Хуан Цзычэна и спросил:

— Когда Великий воспитатель прибыл в кабинет, кто в тот момент находился со внуком императора?

Хуан Цзычэн, не ожидавший, что Юньци сам себя выдаст, в гневе воскликнул:

— Конечно, это ты, Сюй Юньци! Кто же ещё?!

Юньци, держа книгу в обеих руках, вернул её и сказал:

— Значит, это ошибка вашего слуги, поскольку там больше никого не было. Ваш слуга заслуживает смерти, прошу Ваше Величество наказать меня.

Чжу Юаньчжан громко рассмеялся, швырнул книгу на золотой стол, прищурившись, изучающе посмотрел на Юньци, а затем кивнул. Он холодно произнёс:

— Сорок ударов.

Чжу Юаньчжан добавил:

— Юньвэнь, заberi свою книгу.

Хуан Цзычэн нахмурился:

— Ваше Величество!

Чжу Юаньчжан приказал:

— Уходите.

Тоба Фэн глубоко вздохнул, повернулся и взял батог. Юньци, сохраняя спокойствие, слегка кивнул Чжу Юньвэню, давая понять, что всё в порядке, а затем опустился на колени, обратившись лицом к Чжу Юаньчжану.

Взгляд Юньци упёрся в императорские сапоги с вышитыми на них драконами под золотым столом. Казалось, будто драконы на носках сапог оскалили клыки и выпустили свои когти.

Тоба Фэн встал в стойку, взял в руку стальной батог весом тридцать кэtti*, сосредоточил силу в локтях и, развернув кисть, замахнулся.

* Вес 1 кэtti от династии к династии разнился. Сейчас в Китае стандарт — 500 г.

Конец батога прочертил в воздухе ярко-алую дугу.

Плечи Чжу Юньвэня дёрнулись, и он зажмурил глаза.

Уже наступила ночь, и над дворцовыми стенами поднялась луна. Во дворе Цзиньивэй, в покоях заместителя командующего.

Юньци лежал на кровати обнажённый, его спина, ягодицы, бёдра и промежность были покрыты многочисленными ранами.

Тоба Фэн держал в одной руке блюдце с лекарством. Пальцами он размешал пахучую чёрную мазь, а затем нанёс её на спину Юньци.

Юньци резко втянул воздух и простонал:

— Лао Ба... у тебя слишком грубые пальцы! Позови... Жун Цина!

Тоба Фэн положил блюдце с лекарством, развернулся и вышел. Однако он не позвал Жун Цина

и вскоре стремительно вернулся в комнату Юньци.

Тоба Фэн, надевая шёлковую перчатку на левую ладонь правой рукой, произнёс:

— Ты уже сделал ставку. Знал, что император хочет сделать Чжу Юньвэня наследным принцем? Догадался? Сегодня сорок ударов, завтра — милость вышестоящих*...

* Досл. «хоу с леном в 10 000 домов» (□□□).

Юньци в ярости воскликнул:

— Нет у меня таких мыслей!

Тоба Фэн посмотрел на Юньци, кивнул и сел на край кровати, продолжив наносить мазь.

В момент, когда Тоба Фэн коснулся спины Юньци, тот вскрикнул от боли, и выражение его лица стало крайне мучительным.

Тоба Фэн сказал:

— Это шёлковая перчатка из Западного края. Теперь не больно?

Юньци, всё ещё в ярости, спустя долгое время произнёс:

— Ты правда бил меня по-настоящему!

Тоба Фэн насмешливо сказал:

— Я думал, что ты хотел, чтобы я бил тебя по-настоящему.

Юньци, испытывая и горечь, и гнев, воскликнул:

— Я припомню тебе сегодняшнее!

Тоба Фэн не прекращал движения рукой и что-то тихо произнёс, его слова звучали неразборчиво.

Юньци, мучимый болью до помутнения сознания, прерывисто спросил:

— Что ты сказал... на тюркском?

Тоба Фэн не ответил, сосредоточенно нанося мазь. Лекарство, видимо, было эффективным. При нанесении оно вызывало острое жжение, будто уколы игл, но спустя мгновение становилось прохладным, снимая боль и отлично заживляя раны.

Веки Юньци тяжелели, и сознание затуманивалось. Закончив с мазью, Тоба Фэн положил сзади широкую ладонь на плечи Юньци и, скользя вдоль шеи, начал с наслаждением поглаживать её взад-вперёд.

Шёлковая перчатка была невероятно гладкой. Юньци смутно ощущал текстуру шёлка, соприкасающегося с кожей, и даже чувствовал тепло, исходящее от ладони Тоба Фэна через тонкий слой ткани.

Длинные пальцы Тоба Фэна с чёткими суставами продолжали поглаживать шею Юньци, а большой палец то и дело потирал его мочку уха.

Юньци покраснел от этих прикосновений, и нижняя часть его тела затвердела. Прижавшись к соломенной циновке, он спросил:

— Что ты делаешь?

Тоба Фэн погладил его по лицу и с любопытством произнёс:

— Повернись на бок, дай посмотреть.

Юньци рявкнул:

— Отвали!

Тоба Фэн ответил:

— Тебя сегодня волокли через весь двор, все колени в ссадинах. Нужно их обработать.

Лицо Юньци было залито румянцем. Сейчас он ни за что не мог повернуться на бок, потому резко ответил:

— Не надо.

Тоба Фэн шагнул вперёд, чтобы помочь ему перевернуться и просунул запястье под шею Юньци, но тот яростно укусил его. Юньци в гневе воскликнул:

— Лао Ба!

Тоба Фэн взял тонкое одеяло, аккуратно накрыл Юньци, развернулся и вышел из комнаты.

Юньци, находясь в полудрёме, перед сном услышал за дверью звук воды. Он знал, что это Тоба Фэн стирал их одежду.

Во дворе царил полная тишина. Яркая луна освещала Тоба Фэна, одетого лишь в белую, словно снег, лёгкую рубаху.

Тоба Фэн выстирал и развесил форму стража, снял перчатку, придвинул низкий табурет и сел перед кроватью Юньци, словно сторожевой пёс. Упираясь руками в пол, он покачивался взад-вперёд, размышляя, а затем достал из-за пазухи небольшой мешочек с несколькими ляннами серебра.

Тоба Фэн сунул его под подушку Юньци, тщательно заправив её край.

Юньци по-прежнему лежал неподвижно, и его изящное лицо прижималось щекой к мягкой подушке. Он ровно дышал, погружившись в сон.

Тоба Фэн с каменным лицом протянул руку, чтобы коснуться губ Юньци. Спустя мгновение он расстегнул свою рубаху, обнажив торс, взобрался на кровать и, подражая позе Юньци, лёг на живот. Повернув голову, он настолько близко придвинул к нему лицо, что их дыхания смешались, и уснул носом к носу Юньци.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326063>